

Раиса Бараш

Конкуренция оппозиции и власти в России как торговля страхами перед «Другим»: к пониманию мифологической составляющей Белой революции 2011-2012 гг.

В декабре 2012 г. исполнился год «белому движению». В этапах и итоге (хотя точку здесь ставить, безусловно, рано) «белого протеста» в значительной степени отразились основные противоречия российского общества. За год оппозиционеры – или «декабристы» – как они были названы многими сочувствующими и сами собою (за непримиримость и бескомпромиссность) дошли до того, что сумели в «снятом виде» обозначить свои главные претензии к власти. Был избран Координационный совет с идейно различными куриями. Тем не менее действующую властную систему разрушить не удалось, более того, начавшаяся война разоблачений и борьба с коррупцией (снятие В. Сердюкова, сюжет о деятельности Е. Скрынник на посту министра сельского хозяйства) выглядит не уступками «Болотной», а скорее паллиативом, «спуском» пара в ситуации, когда интерес к организованному выражению недовольства властью через митинги сошел на нет.

Но неприятие властью и оппозиционерами друг друга не исчерпано, и противостояние их друг другу точно возымеет продолжение. Как и не оскудеет поддержка как «партии Интернет», так и «партии телевизор» рядовыми сторонниками. А все потому, что оба – властный/системный и протестный лагеря эксплуатируют специфическое (каждый в свою очередь) воплощение мифологемы «Врага», «Чужого» или «Другого». Переиначивая М. Фуко, который в работе *Слова и вещи: археология знания* писал, что согласно логике определения себя через «Другого», каждый дискурс борется с набором собственных «идолов», принципиально не замечая других. Одновременно, К. Шмитт отталкивается от того, что за признанием врага стоит потенция «нравственного отрицания чужого»¹. То есть всеобъемлющая критика «Другого» становится конструирующим смысловым основанием собственного «Я».

Протестующие не только никогда не договорятся с властью, но и не придут к консенсусу об идейной направленности работы Координационного совета. Из их принципиально различной логики критики и обличения следует абсолютное несовпадение языковых и смысловых картин реальности. Живость протеста и непримиримость различных сторон связана именно с тем, что у каждой из сторон –

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 35-67.

своя интерпретация этого «Другого». И различие в этой интерпретации «Другого» лежит в глубокой ценностной расколотости российского общества.

Коллективное российское «Я и Ты»

Дихотомия «Я – Другой», базируясь на идеях социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, символического интеракционизма А. Шютца, коммуникативной теории Н. Лумана и, конечно, концепциях «Другого» Г. Зиммеля, диалектики «Я – Другой» Ю. Хабермаса, «Инаковости» Э. Левинаса – традиционные концепты трактовки идентичности. Другой вопрос, что применительно к российской ситуации «Другой» хотя и традиционно оказывался этнически «окрашен», воплощая собою многообразие «иноэтнических» групп², не исчерпывал всего многообразия коллективных гетеростереотипов. Одновременно разнообразие «Иных» оказывалось индикатором нелинейности коллективной российской идентичности – «каждый раз завися от автостереотипа и высвечивая наши же ценности и предрассудки»³.

Ту же множественность представлений о себе и соответственно «Другом» продемонстрировали «столкнувшиеся» лозунги различных составляющих «партии Интернета» и «партии телевизора». С одной стороны, как уже отмечалось, это иноэтнический «Другой», и образ его достаточно силен. Второй кластер мифологем, связанных с коллективным врагом, «замыкается» на социального «Другого», третий – на представление о неизбывном противоречии между народом и властью. Наконец, четвертый миф, активная эксплуатация которого властью в борьбе с оппозицией продемонстрировала его живость – миф об иностранной угрозе, за границе, «коварном Западе».

Структуру «страхов» и социальных противоречий подтверждают данные социологических опросов – так, в 2008 г. отвечая на вопрос о наиболее актуальных социальных противоречиях, большинство опрошенных (47%) назвали наиболее острым противоречие между богатыми и бедными⁴. Называя противоречие между богатыми и бедными в качестве определяющего, россияне фиксируют социокультурный раскол между культурой и образом жизни «социальных верхов» и

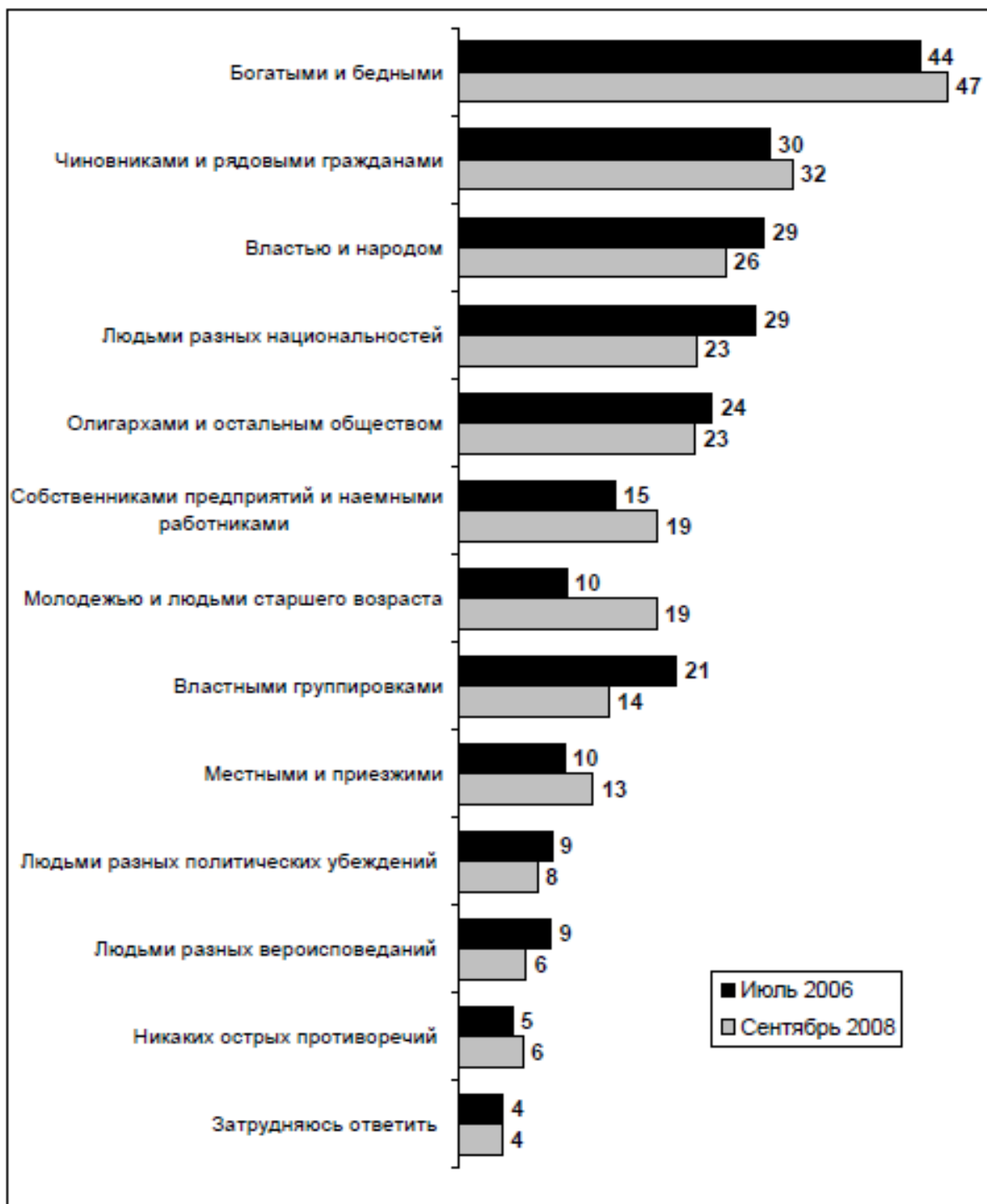
² Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова. М., 2004; Малахов В.С. Что значит «мыслить национально»? Из истории немецкой и русской мысли первой трети XX века // Ruthenia.ru. www.ruthenia.ru/logos/number/2001_5_6/01.htm. Последнее посещение 12 декабря 2012. Норкин Д.А. Приграничная территория как социальное пространство (На примере российско-эстонской границы): Дис. канд. социол. наук. СПб., 2004; Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997-1999 годов / Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 162-192. С. 171.

³ Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве. М., 2001. С. 67

⁴ Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М., 2009 / Институт социологии РАН. http://www.isras.ru/files/File/Publication/Strahi_i_trevogi.pdf. Последнее посещение 12 декабря 2012.

культурой массовой, «срединной». В этом же контексте – дихотомии верхов и низов – занявшее третье место противоречие между чиновниками и рядовыми гражданами (32%), а также между властью и народом (26%), которые вытеснили из массового сознания даже неприязнь к олигархам. Противоречие с этническим «Другим» (противоречие между людьми разных национальностей) было отправлено респондентами на четвертое место (23%). Страх перед конфессиональным «Другим» беспокоит россиян заметно реже (см. рис. 1).

Рисунок 1. Мнение россиян (%) о том, между какими группами населения в настоящее время существуют наиболее острые противоречия? Допускалось не более трех вариантов ответа

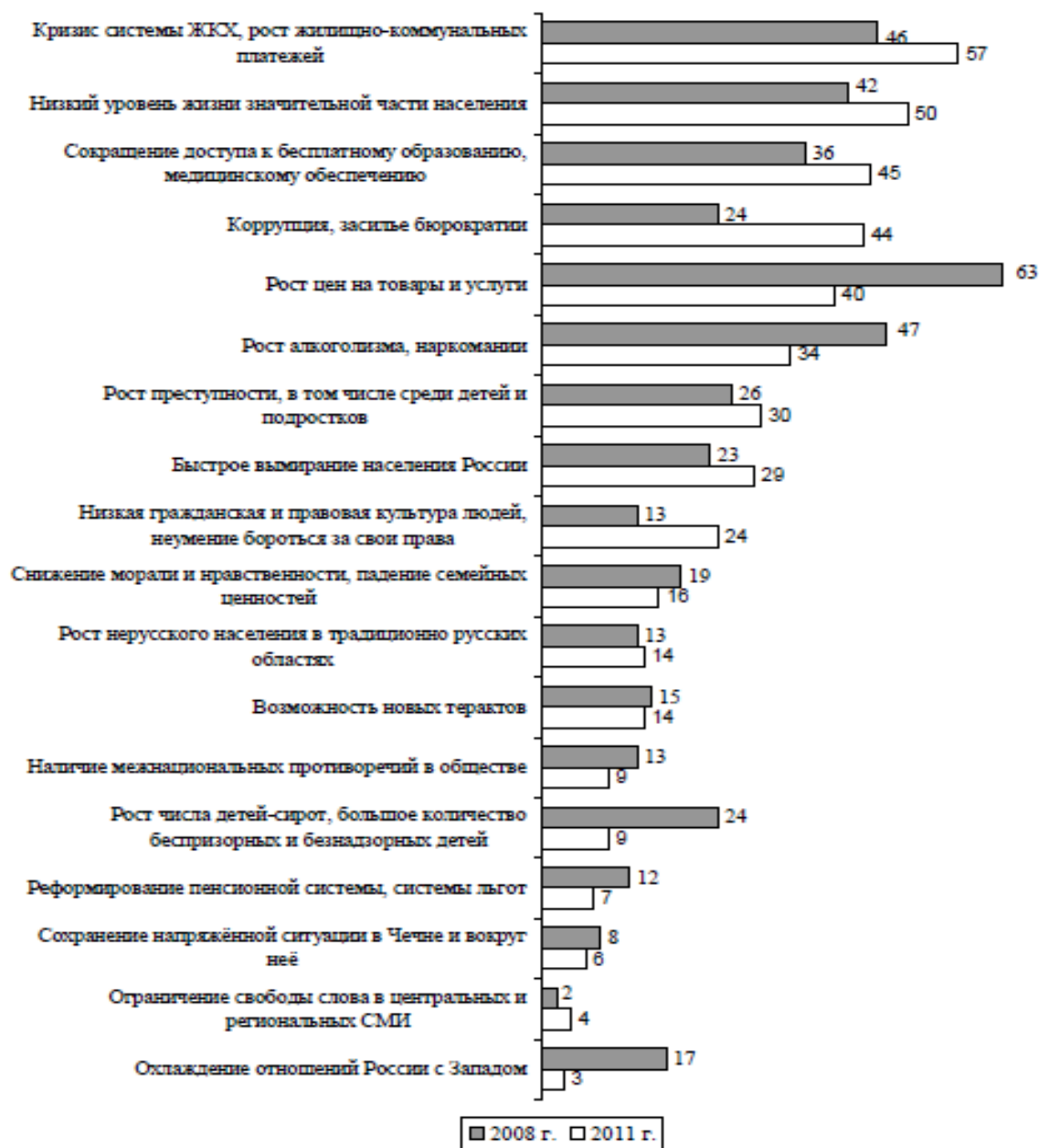
Если посмотреть на спектр проблем, вызывавших в 2011 г. у россиян наибольшую озабоченность, то и здесь достаточно четко фиксируется, неприятие какого «Другого» питает общественное неприятие российского общества. По данным

исследования Института Социологии РАН⁵, падение уровня жизни большей части общества и сворачивание общедоступности образования и медицинского обеспечения, с одной стороны, вызывает неприятие материально «зажравшегося» неоправданно богатого «Другого». С другой стороны, засилье бюрократов, коррупция и неумение бороться за свои права, низкая правовая культура людей – питает властного «Другого». Опасность столкновения с этническим «Другим» («рост нерусского населения в традиционно русских областях» и «наличие меж-национальных противоречий в обществе») кажется менее пугающей (рис. 2).

Рисунок 2. Процессы в жизни страны, вызывающие у россиян (%) наибольшую тревогу, 2008 и 2011 гг. Допускалось до 5-ти ответов, отранжировано в порядке убывания распространенности в 2011 г.⁶

⁵ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад / Институт социологии РАН. http://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html. Последнее посещение 12 декабря 2012.

⁶ На рисунке не указаны затруднившиеся с ответом. Позиция «Безработица» в поросе 2008 г. отсутствовала и на рисунке не представлена.

Таким образом, можно солидаризироваться с тезисом Мирчи Элиаде, по мысли которого сознание современного общества мифологично не в меньшей степени, чем сознание дикаря⁷. Наличие различных интерпретаций «Другого» в структуре коллективных представлений живописно демонстрируют исторические этапы складывания идентификационных векторов массовых представлений.

⁷ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000.

Разнообразные «Другие»

Традиционной интерпретацией «Другого» в российской коллективной памяти, действительно, являлась этническая трактовка. А. Миллер называл в качестве существенной особенности российской ментальности и исторической памяти коллективный страх перед лицом угрозы гибели национальной общности. Такого рода страх был связан вначале с турками, затем с немцами, в некоторых случаях с поляками⁸.

Исторически в России в качестве «Другого» воспринимались евреи, немцы и поляки. По словам А. Литвина, «подобно другим этническим меньшинствам, немцы часто становились коллективным объектом проекции различных фобий и культурных смыслов для "этнического большинства"»⁹. В качестве мишени для подобных проекций немец уступал только еврею, который как символ выступал в качестве универсального воплощения всего нерусского, неправославного, чуждого, коварно мимикрирующего под «"своего"» внутреннего врага, тогда как немец стал универсальным внешним врагом¹⁰. В то же время образ поляка формировался из следующих составляющих: поляк как революционер и нелояльный подданный (М.Н. Катков), как носитель религиозной и духовной «угрозы» (И. Аксаков), как разрушитель единства славянского мира (А. Гильфердинг)¹¹.

С.В. Давыдов отмечает, что образ немца долговременно использовался в качестве устойчивого гетеростереотипа обобщающего характера, с которым сравнивался образ русского¹² (одной из наиболее живописных иллюстраций традиционного противопоставления русского и немецкого национальных характеров являются народные пословицы и поговорки – «что русскому здорово, то немцу смерть», «пруссский гут, а русский гуте»). Иначе говоря, для русской и выросшей из нее российской идентичности была характерна ситуация, когда самоопределение было возможно только из противопоставления немецкому. Однако периоды и ситуации взаимодействия сторон были настолько неоднозначны, что коллективный немец при обладании очевидно положительными характеристиками одновременно стал носителем наиболее негативных черт – жестокости, эгоизма и нетерпимости.

До середины XIX в. в России образ немца был преимущественно положительным: это был образ обрусевшего немца с характерным акцентом, как правило,

⁸ Миллер А.И. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. С. 7-8.

⁹ Литвин А. Немец-Враг: предисловие к публикации документов // Ab Imperio. 2001. № 4. С. 229

¹⁰ Там же.

¹¹ Weeks T. Slavdom, civilization, russification: comments on Russia's world-historical mission, 1861–1878 // Ab Imperio. 2002. № 2. P. 223–248.

¹² Давыдов С.В. Динамика изменения этнических стереотипов русских и немцев за прошедшие полтора-два десятилетия // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия «Социальные науки». 2006. Вып. 5. С. 36.

образованного, несколько скупого, но аккуратного и деловитого хозяина¹³. Однако после первого объединения земель в 1871 г. Германская империя начинает восприниматься как источник угрозы, и образ немца приобретает черты врага и солдата. Такие представления о немцах закрепились в период Первой мировой войны, хотя после 1917 г. негативизация представления о Германии и немцах довольно скоро сменилась утверждением в общественном сознании положительных в своей контекстности образов немецких коммунистов – от К. Маркса до Э. Тельмана.

Следующий этап формирования образа немца пришелся на Вторую мировую войну, когда фашистская армия и солдаты стали воплощением и Германии, и немцев. В свою очередь, значительное, причем, положительное влияние на формирование образа немецкого народа оказало возникновение двух германских государств, строительство Берлинской стены и ее последующий демонтаж. В данный период возникло представление о неоднородности немцев¹⁴. Актуализировалось представление о том, что уж, если два преимущественно немецких государства не всегда могут прийти к пониманию, то сформированное предшествующими историческими периодами представление о традиционно немецких качествах может быть не совсем достоверным. Постепенно отношение к немцам потеряло конфликтный контекст, и образы немцев и русских практически исчерпали потенциал гетеростереотипов друг для друга.

Сегодня в России по-прежнему этнические группы мыслятся как формы социальной организации, и этническая граница канализирует социальную жизнь¹⁵. Как это фиксируется результатами массовых опросов, образ «другого» сегодня воплощается фигурой «иммигранта». Причем в современной России категория «мигрант» означает любого, кто понимается чуждым для региона проживания или принимающего сообщества¹⁶. Соответственно, представители кавказских и среднеазиатских этнонациональных групп, постоянно контактирующие с принимающим сообществом и даже внешне отличающиеся от принимающего сообщества, достаточно быстро заняли в массовом сознании место «другого». Как заметил Л.Д. Гудков, на рубеже 1980–1990-х гг. бывшее негативное отношение к Западу оказалось направлено, во-первых, против людей из ближнего зарубежья, а во-вторых, против внутренних «чужих» – в 1993 г. такие настроения демонстрировал каждый третий¹⁷. Немаловажную роль в росте антикавказских и антиазиат-

¹³ Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре. М., 1993.

¹⁴ Ежова Л.В. Представления о Германии и немцах в Санкт-Петербурге // Центр независимых социологических исследований. www.cisr.ru/files/publ/Ejova/Ejova%20Rus%20Germ.doc. Последнее посещение 12 декабря 2012.

¹⁵ Барт Ф. Введение / Этнические группы и социальные границы: социал. организация культур. различий. М., 2006. С. 15, 17.

¹⁶ Верховский А.М. Эволюция постсоветского движения русских националистов // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2011. Т. 107. № 1. С. 11-35.

¹⁷ Гудков Л.Д. Этнические проблемы в России: возможность систематич. исследований // Экономические и социальные перемены: мониторинг обществ. мнения: информ. бюллетень. ВЦИОМ. 1993. Октябрь. С. 14.

ских настроений сыграла публикация результатов переписи 1989 г., продемонстрировавших существенные диспропорции в развитии, с одной стороны, русских, а с другой — народов Северного Кавказа и Средней Азии¹⁸. Достаточно серьезные антимусульманские настроения в российском обществе усилили теракты 11 сентября, при том, что обе чеченские войны мало повлияли на динамику неприязни к исламу («плохое» или «очень плохое» отношение к исламу в 1996 г. выразили 23% россиян, в 1999-м — 17%, в 2002-м — 21%, в 2005-м — 20%)¹⁹. Заметный рост антикавказских настроений, по данным Левада-центра, пришелся на 2000 – 2003 гг., а в 2006 г. заметно выросли негативные настроения в отношении чеченцев и азербайджанцев. Сегодня антиисламские настроения во многом связаны, с одной стороны, с объективными причинами – «встречей» секулярной и традиционной культур и образов жизни. А с другой – с попытками «сыграть» на извечном страхе перед этническим «Другим» политических предпринимателей.

Вторая интерпретация «Другого» – внутренняя. Этот внутренний «Другой» – воплощение неприятия внешнего управленческого класса. В начале 19 в. появляется лозунг «История принадлежит народу – и никому более! Смешно дарить ею царей»²⁰. С конца XIX в. вместе с фолклоризацией культуры происходит переориентация на народническую интерпретацию истории. Противопоставление народа и привилегированных классов приобретает свое консолидированное выражение в идеях славянофилов: «Россия разделилась на две резкие половины: на преобразованную Петром или верхние классы, и на Россию, оставшуюся в своем самобытном виде, оставшуюся на корню, или просто народ»; «переобразованные верхние классы действуют соблазном разврата, выгод и преимущества на простой народ»²¹. Народничество, возникшее во многом как комплекс социальной вины, в свою очередь, совершенно однозначно противопоставляло народ привилегированным сословиям²². Особое место среди народных легенд занимает противопоставление народных страданий/крепостничества и привилегированных классов. Как отмечает О.Б. Леонтьева²³, в эпоху Великих реформ представление о народе России оказывается связано с его долготерпением – это видно в работах М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова²⁴. Одновременно в конце XIX в. возникает мотив героизации народного сопротивления – казачьи и стрелецкие восстания, старообрядчество.

¹⁸ Дробижева Л.М. Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика // Современная этнография. 1991. № 1. С. 12.

¹⁹ Фурман Д.Е., Каарияйнен К. Религиозность в России в 90-е гг. XX – начале XXI в. М., 2006. С. 22.

²⁰ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983. С. 142-143.

²¹ Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т.1. Сочинения исторические. С. 48, 53-54.

²² Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти / Российская империя в зарубежной историографии. С. 444.

²³ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011. С. 29.

²⁴ Письмо М.Е.Салтыкова-Щедрина в редакцию журнала «Вестник Европы» / Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки. М., 1975. С. 571.

В отличие от иноэтнического «Другого», властный «Другой» не имел культурных отличий. Имела место так называемая «Внутренняя колонизация» – когда, как пишет А. Эткинд, для власти народ был огромной и неведомой реальностью, «Другим»²⁵. Элементы колониальной ситуации в культурных процессах эпохи в российской истории А. Эткинд видит в том, что российские административные элиты вели себя по отношению к народу как колониальные администраторы и интеллектуалы-ориенталисты, которые одновременно производят внутренние культурные различия, необходимые для того, чтобы дисциплинировать и эксплуатировать подчиненные группы населения. В этом случае управление включало в себя такой парадоксальный элемент, как инверсия культурных и социальных различий. Так, к примеру, сословные различия между сельскими, городскими и «благородными» людьми описывались как глубинные, близкие по своему характеру к расовым²⁶. В этой связи неудивительно, что миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, в России чаще всего были обращены внутрь собственного народа²⁷.

Помимо иноэтнического и властного «Другого» в России существует неприятие несправедливо богатого «Другого». Вернее, имеют место симпатии левым идеям – не столько в форме ненависти к богатым, сколько в формате движения к социальной справедливости. Понятно, что культивация образа именно «классового врага» в значительной степени произошла в советский период. Неотъемлемой чертой этого дискурса является образ «врага народа», к которому в раннесоветское время были причислены целые социальные классы – «помещики», «буржуазия», «капиталисты», «заводчики», «фабриканты», «банкиры», впоследствии – «кулаки» и «попы»²⁸. Такой социальный остракизм символизировал «беспощадную борьбу» с «классово враждебными элементами».

Протест против какого «Другого»?

Как в любом многосоставном обществе дискурсы «Врага» в российском сосуществовали. Традиционные симпатии идеям социальной справедливости периодически уравнивались «креном вправо» – через, например, электоральную популярность «Родины». И в протестной волне дискурсы «Другого» нашли доста-

²⁵ Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // НЛЮ. 2001. № 49. С. 50-74

²⁶ Лекке М. Внутренние колонии – пестрые окраины: Украина и Беларусь (Малороссия и Белоруссия) в произведениях А.И. Куприна / Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 552-587.

²⁷ Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением / Там же. С. 15.

²⁸ Арнаутов Н.Б. Использование образа «врага народа» в периодической печати Западной Сибири в период «большого террора» // Ист. ежегодник. 2007. Новосибирск, 2007. С. 200.

точно четкое отражение. Но та объединительная сила, которую продемонстрировали различные «Другие» оппозиции, продемонстрировала, что претензии, предъявляемые власти – не эфемерны, а вполне реальны и даже долговременны. До «снежной революции» они всего лишь находились в культурном «депо», на периферии общества давних, общеизвестных и «отработанных» представлений²⁹.

Впрочем, интенсивно в общественной дискуссии образ «Другого» обсуждался и в преддверии «допротестного» периода. Активно в этом участвовали, в первую очередь, праворадикальные организации. Продолжительный период главным инструментом праворадикалов для провоцирования дискуссии о «Другом» был «Русский марш». С 2006 г. националистические организации стали участвовать в массовых беспорядках в небольших городах (Кондопога, Сальск, Вольск). Интерес к правому политическому спектру резко возрос после убийства в декабре 2010 г. болельщика «Спартака» Е. Свиридова, появляются попытки централизованно собирать правую молодежь не только на «Русский марш», но уже ежемесячно в рамках «Стратегия 11». По большому счету, «Манежка» сыграла роль прелюдии в широкой волне недовольства 2012 г. – очень быстро вопрос о вине в убийстве Е. Свиридова выходцев с Северного Кавказа сменился вопросом о том, почему они были отпущены, а у главного дважды судимого обвиняемого было разрешение на ношение оружия, и соответственно так тщательно выстраиваемая «вертикаль власти» коррупционна и не работает.

Зимой 2011 г. дискурс иноэтнического «Другого» начинает постепенно вытесняться, замещаться внутренним властным «Другим». Сообщения о массовых фальсификациях на выборах депутатов Государственной Думы в декабре 2011 г. «выводят» на Чистопрудный бульвар сотни москвичей. Наложившись на антикоррупционные инициативы А. Навального и *Новой газеты*, разоблачение фальсификаций высветило принципиальную самосокрализованность закрытость властной системы. Появилось четкое осознание того, что, как пишет об этом А.Ю. Антоновский, «в России общественная жизнь регулируется тайной, а также запретом на публичное обсуждение важнейших сфер жизни». Возникло понимание того, что «политическое управление осуществляется нелегитимными структурами, не регулируемые публичным правом, каковыми является, например, администрация президента, не говоря уже о кооперативе «Озеро»... Личности высших политиков сакрализированы, частная жизнь публичных политиков является тайной... В политической сфере правящий политический класс представляет собой замкнутую корпорацию, инфильтрация в которую возможна некоторым весьма таинственным способом, на основе очень неясной процедуры. Так же табуи-

²⁹ Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / Сост. Л. Гудков. М., 2005. С. 13.

рован вопрос о том, почему доступ к власти имеют лишь данные лица, а не какие-то иные»³⁰.

В этом смысле российский протест во многом был подобен настроениям европейских интеллектуалов в 1960–1970-е гг., когда одной из центральных тем интеллектуальных дискуссий была борьба с идейным тоталитаризмом власти (что отразилось в *Одномерном человеке* Г. Маркузе, *Анти-Эдипе* М. Фуко, работе *Сад, Фурье, Лойола* Р. Барта, концепции «инаковости» Э. Левинаса). Так, в действиях А. Навального в рамках проектов «Роспил» и «Росяма» угадываются черты провозглашенной М. Фуко концепции «власти-знания», требующей необходимости взлома сетей институциональной информации, обозначение конкретных пороков какого-то «очага власти, одного из тех бесчисленных мелких очагов, которым может оказаться какой-нибудь мелкий начальник, привратник в муниципальном доме, начальник тюрьмы, судья, работник профсоюза, главный редактор журнала»³¹. «Хождение народа во власть», вроде выдвижения в мэры Омска блогера И. Варламова, избрание в муниципальные кандидаты района Щукино блогера М. Каца – развертывание заявленного Ж. Делезом сценария свободной игры, разрушающей централизованный порядок власти (понимаемой в первую очередь как иерархия)³². Наконец столь бурный протест против принятия поправок в ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» есть зримый ответ на поставленный Ж. Бодрийяром вопрос о том, в чем же состоит собственная воля человека³³.

Зимний протест 2011 г. породил если не лево-либеральный поворот политического участия, то точно привел к тому, что популярность правонационалистических идей в молодежной среде «уравновесилась» интересом и участием молодых россиян в деятельности организаций с либеральной и левой идеологией. Хотя движения одного требования «заявили о себе» уже в середине 2000-х гг. (движения в защиту О. Щербинского или А. Иванниковой, движения обманутых дольщиков и пр.), наиболее громкие протестные акции 2010–2011 г., тем не менее, формировались как реакция националистической и сросшейся с ней «спортивной» субкультурной части на противоправные действия против ее представителей («Манежка», «дело Мирзоева»). Тем не менее, протест 2012 г. продемонстрировал массовое недовольство «системными» проблемами государственного управления и качеством его функционирования. И в этом смысле в 2012 г. однозначно произошло выдвижение на передний план политической борьбы задачи противостояния закрытому властному «Другому» и несправедливо богатого «Другого». Ввиду того, что в современной России власть автоматически срощена с соб-

³⁰ Антоновский А.Ю. От интеграции к информации. К коммуникативным трансформациям в российской нации // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 3(109). С. 4-12.

³¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть: избр. полит. статьи, выступления и интервью. М., 2002.

³² Делез Ж. Платон и симулякр / Библиотека Гумер – Философия. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Delez/plat_sim.php. Последнее посещение 12 декабря 2012.

³³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Пер. Л. Любарской, Е. Марковской. М., 2000.

ственностью³⁴, «объединение» лево-либеральных претензий протеста вызывало наиболее широкую массу сочувствующих, идейная молодежь перестала стекаться только в «правый» фланг. На заре и пике своего развития оппозиционное движение консолидировало различные силы и политические лагеря, что в целом заметно повысило привлекательность для участия в протестном движении.

Стимулированию идеи борьбы с властным «Другим» во многом способствовала активная эксплуатация либералами темы политических репрессий. Дискурс такой борьбы на фоне угасания интереса к теме делегитимизации результатов выборов и недовольства федеральной властью фактически полностью заполнил протестную повестку. Приговор Pussy Riot «очень» помог в медийном раскручивании этой проблемы либеральной части оппозиции. Однако в процессе противостояния «системе» оппозиционные лагеря постепенно стали «расходиться», началось идеологическое «окукливание», стало в конце концов очевидно, что разные «головы протеста» говорят на разных языках и готовы бороться лишь с собственным врагом. Попытки отдельных представителей разных протестных лагерей создать «пространство для маневра» и взаимодействия с коллегами по оппозиции из других идейных лагерей (например, «полевание» Б. Немцова, готовность С. Удальцова к активному взаимодействию с либералами) вызывали критику со стороны их рядовых сторонников, что в свою очередь привело к «внутриидеологическому» разделению.

Стало ясно, что левые и либералы имеют друг к другу немало претензий и объединение этих сил – даже под лозунгом антипутинской борьбы – маловероятно. Левацкий разговор о борьбе с капиталистическим «Другим» неизбежно сталкивался с либеральным представлением о неприкосновенности частной собственности, неготовностью либералов «все отнять и поделить». Еще меньше шансов было у перспектив блокирования либералов и левых с националистами. Впрочем, либералы в своей стратегии оппозиционной борьбы попытались обратиться к стратегии и моральным нормам из левой идеологии. В частности, тезисы доклада Б. Немцова *Жизнь раба на галерах. Дворцы, яхты, автомобили, самолеты и другие аксессуары*, посвященного жизни В. Путина полностью согласуется с идеей аскезы, в соответствии с которой политик должен вести скромный образ жизни. С другой стороны, подготовка доклада подобного рода – предполагающего вмешательство в личную жизнь человека, пускай даже публичного политика – в значительной степени противоречит ключевому тезису либеральной идеологии о свободе индивида на личное обогащение и право на невмешательство в личную жизнь. Причем, либералам так и не удалось прийти «к общему знаменателю» и либеральный лагерь объединил не столько убежденных либералов, сколько разнообразную интеллигенцию, нерадикальных симпатизантов протеста. Одна часть либералов высказывалась за участие в выборах и формирование соб-

³⁴ Крупкин П. Россия и современность: проблемы совмещения. Опыт рационального осмысления. М., 2010.

ственной конструктивной повестки, другая – настаивала на продолжении уличной активности.

Схожие центробежные тенденции пронизали и «левый лагерь». В общем-то изначально левые организации – несмотря на активный интерес блогеров и журналистов – представляли собою многочисленные карликовые организации различной практической направленности и идейных взглядов. Но за счет многообразности организаций, ратующих за социальную справедливость, «движений одного требования», левые фактически составили авангард антипутинской коалиции. Предметно критикуя «путинскую вертикаль» леваки регулярно формировали повестку протеста, «подкидывали» новые поводы для критики и лозунги. Тем не менее единой консолидированной силы представители левых создать не смогли. Более того, усугубилось начавшееся противостояние с «системными левыми» – КПРФ, «Справедливой Россией» – как из-за конъюнктурности последний (в частности, неготовности фракций сдать думские мандаты), так и из-за отдаления от левых идей.

Особенно такая критика усилилась после демонстрации КПРФ своих симпатий к РПЦ. Так, яркую критику снискала публикация в газете *Правда* обращения Г.А. Зюганова «Защитим наши национальные ценности и святыни» (№ 76 от 20-23 июля 2012 г.) – с призывом защитить Русскую православную церковь. В связи с обозначившимся религиозным креном КПРФ (в т.ч. в контексте «дела Pussy Riot») даже рядовые члены КПРФ высказывали недовольство этим, обращая внимание на то, что устав данной партии закрепляет в качестве базисных принципы марксизма-ленинизма, разделяет принцип отделения церкви от государства.

Но как и в отношении других лагерей протеста, «панк-молебен» Pussy Riot фактически стал событием, внесшим раскол в единство левого движения. Ситуация с Pussy Riot тематизировала проблему не всегда критичного отношения левых к любым «жертвам режима», когда «сидящий» априори понимается как заслуживающий защиты и поддержки (наиболее живописно о подобной ситуации свидетельствует ситуация с отношением к защите банкира А. Козлова). Кроме того, возникла дискуссия о недостаточной «непримиримости» левых – особенно после статьи А. Тарасова «Пусечки и левенькие: любовь зла»³⁵, где автор задается вопросом, почему такого интереса, как к Pussy Riot, не было в отношении «приморских партизан».

Провалились и попытки объединить «несистемных» и «системных» левых – ни к чему не привели январский Форум левых сил, апрельская учредительная конференция «Левого альянса», в планы которого входило объединение левых. Сентябрьский 2-й Форум Левых Сил также не привел к объединению левых, но обозначил совершенную неготовность левых к взаимодействию с либеральными организациями. С. Удальцов говорил о необходимости временного блокирования

³⁵ Тарасов А. Пусечки и левенькие: любовь зла // Русский журнал. 27 июля 2012. <http://www.russ.ru/pole/Pusechki-i-leven-kie-lyubov-zla>. Последнее посещение 12 декабря 2012.

с либералами, иными словами о том, что так сказать, «за февралем всегда приходит октябрь»: «Наше участие в этих акциях необходимо. Ценой своего пота и крови мы завоевали признанный авторитет в этом общегражданском движении. Пока это движение за буржуазные перемены. Буржуазно-демократическая революция назревает в России» (С. Удальцов, *Форум Левых Сил №2*). «То, что мы пока стоим с ними на одной трибуне, это тактический ход. Сегодня уберем самозванцев и жуликов, а завтра поведем курс на борьбу за социалистическую революцию» (С. Удальцов, *Форум Левых Сил №2*).

Тем не менее представители троцкистских организаций заявили о невозможности кооперации с левыми. Позиция большевистской части левых, призывающих отказаться от любого сотрудничества с либералами, выразил, например, Комитет за Рабочий Интернационал: «Мы [левые силы] не выдвигаем никакой действительно левой программы. Сейчас левым необходимо идеологически отмежеваться от либералов и националистов и предлагать народу собственную программу» (Е. Отто, Комитет за Рабочий Интернационал). «Я за то, чтобы был новый Октябрь, но мне трудно представить как, скажем, Ленин, Троцкий, Сталин и Луначарский сидели бы в некоем координационном совете или поддерживали бы формирование Временного правительства как альтернативу гнусному царизму для того, чтобы потом подготовить октябрь. Я призываю Форум поддержать резолюцию, предлагающую бойкотировать выборы в координационный совет оппозиции» (Б. Кагарлицкий, ИГСО)³⁶. «Нынешнее протестное движение значительно меньше, чем то, которое мы имели в 90е годы. По своему составу оно сильно отличается от состава основного населения России. В 90е годы основной контингент на митингах составляли рабочие. Сейчас доля рабочих на митингах существенно сократилась. Основная масса мероприятий – это либо буржуи-бездельники, либо люди свободных профессий, либо те, у которых много свободного времени, и классово они еще не определены. Именно такой состав участников и обеспечивает доминирование правых на этих митингах. Буржуазия должна быть лишена гражданских прав или должна быть ликвидирована как класс». (С. Биец, РРП).

К пониманию такой же невозможности взаимодействовать с идейными оппонентами в итоге пришли и правые. И хотя правые в немалой степени приложились к «расшатыванию» политической «лодки» (прежде всего, «Манежкой»), левые и либеральные лидеры долгое время соглашались вставать с правыми в один строй только пока речь шла о требованиях пересмотра результатов выборов или противодействии коррупции. Легитимизировать право правых на идейную представленность лево-либеральная герилья достаточно долго не соглашалась – это проявилось, например, когда 10 марта в ходе митинга «За честные выборы» националисты не были допущены к микрофону и под «имперскими флагами» покину-

³⁶ Развернуто позицию Кагарлицкого можно прочитать здесь: <http://aleksej-cccpr.livejournal.com/209206.html>. Последнее посещение 12 декабря 2012.

ли акцию, прошествовав сквозь толпу к Старому Арбату. Участие в «Марше миллионов» 6 мая националисты фактически проигнорировали (если не считать сторонников «Великой России», которые прошествовали сквозь толпу скандируя антилиберальные лозунги).

Публично «лица протеста» не спешили признаваться в симпатиях к националистам – живописен в данном случае пример А. Навального, который – боясь вполне оправданно, кстати, растерять сторонников – остерегался публично заявить о своих националистических взглядах. Впрочем, в решающую минуту, когда речь зашла о реальных мерах формирования антипутинской коалиции, как лидеры левого и либерального протестных лагерей, так и общественное мнение предоставили националистам право на легитимное представление своей позиции – через создание в Координационном совете националистической курии. Создание такой курии в некотором смысле можно трактовать, конечно, как легитимацию националистического дискурса, попытку лево-либеральной оппозиции повысить общую численность протеста за счет массового «притока» националистов и укрепить оппозиционный лагерь. Тем не менее на интеграцию с левыми и либералами сегодня ориентируются главным образом лидеры (К. Крылов, А. Белов-Поткин), да и то не все (так, Д. Демушкин выступает против блокирования с либералами). Рядовые же симпатизанты правым идеям со скепсисом относятся к идее общегражданского протеста. В праворадикальной среде усиливаются тенденции неприятия некоторых представителей как левого направления (антифашистские группы), так и либерального левых идей (прежде всего, и это стало ясно после «дела» Pussy Riot – к ЛГБТ-сообществу). Кроме того, внутри националистического спектра есть также тенденции к «саморазличению» – живо это продемонстрировал протест националистов против вхождения в Координационный совет оппозиции М. Марцинкевича.

Таким образом, хотя «белое движение» не только возбудило интерес к политике, но и всколыхнуло образы «Других», совместить эти различные трактовки врага не получилось. Одновременно, годовщина протеста заставила многих говорить о том, что оппозиционеры ни к чему не пришли, остались на «апофатическом уровне», не предложив кроме критики ничего конструктивного.

Симметричный «Другой»

Однако было бы несправедливым фиксировать поиск врага только в действиях оппозиционеров. Российская власть в своем противостоянии «Болотной» преуспела в торговле страхами ничуть не меньше. Правда, «Другой», которого власть избрала для ассоциирования с оппозицией, оказался не особенно востребованным и пугающим. Если оппозиция не смогла определиться с объединяющей идеей, ее «Другие» тем не менее оказались настолько актуальными, что смогли вы-

вести на улицу многотысячный протест. Власть же, в свою очередь, попыталась эксплуатировать миф о «руке коварного Запада».

Истоки западного «Другого», как, например, отмечает Ивэр Нойманн, во многом, безусловно, лежат в том, что Россия «в течение почти двух столетий репрезентировалась как "Восточная" по культуре и образу жизни»³⁷. Как пишет Дж. Хоскинг, популярная кожиновская концепция, апеллировавшая к необходимости пересмотра русского отношения к Азии, была своего рода «оксидентализмом» (в противовес «ориентализму» Э. Саида). Она закладывала основу новой геополитической концепции, которая заключалась в идее, что России следует искать свое будущее не блокируясь с Западом, который будет эксплуатировать и подрывать ее, а в положении евразийской державы³⁸. И в этом контексте логично вспомнить и П. Чаадаева, и Н. Данилевского и всю славянофильскую традицию.

Однако антизападнический дискурс, каким он эксплуатировался современной российской властью, видится порождением все же советской традиции противопоставлять СССР как центр коммунистического мира, цивилизации и т. п. и США как средоточие всего чужого – модерности, богатства, эксплуатации, расового неравенства и проч.³⁹ «Враги», как отмечает, Л. Гудков, являлись одним из ключевых факторов формирования советской идентичности⁴⁰. Как это гипертрофировано демонстрирует Дж. Оруэлл, государство все время ведет напряженное сражение с мифическим внешним противником. Впрочем, антизападнические настроения стали стихать после провозглашения в начале 1980-х г. лозунга об «общем европейском доме», и сменились энтузиазмом в отношении контактов с западными странами в эпоху «Перестройки». Добрососедские отношения в Западом формально по прежнему тематизируются российской властью.

Тем не менее с начала 2000-х гг. начался тренд на проведение демаркационной черты между российскими и, напротив, западными ценностями. Одним из проявлений этого «ценностного окукливания» стала концепция «суверенной демократии». В 2003 г. А. Вершбоу обратил внимание на «разрыв ценностей» между США и Россией. Интересно, что в 2006 г. тогда председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, а ныне Патриарх Всея Руси Кирилл публично заявил о том, что сформировавшаяся в Западной Европе «светская либеральная» концепция прав человека не может быть принята «без соответствующих корректив» в России.

Риторика «осажденной крепости» и противостояния «врагу» активно использовалась В. Путиным в своей предвыборной кампании. Хотя еще в 2007 г. В. Путин «задал тон», обличая тех, «кто шакалит у иностранных посольств, иностран-

³⁷ Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 1994. С. 25-70.

³⁸ Хоскинг Дж. Правители и жертвы: русские в советском союзе / Пер. с английского В. Артёмова. М., 2012. С. 424.

³⁹ Гудков. Идеологема «врага» С. 57.

⁴⁰ Там же. С. 43.

ных дипломатических представительств, рассчитывает на иностранные фонды и правительства, а не на поддержку своего собственного народа». Поскольку к моменту старта президентской кампании «протестный маховик» был уже активно раскручен, лозунг «Запад не вмешивайся в наши дела» и «антиболотные идеи» удачно зазвучали контрапунктом. Такое противостояние «врагу» (причем, без четкого артикулирования – оппозиция ли это или же Запад, оппозицию поддерживающий) проявилось, например, в концепции «Народного фронта», предвыборных словах В. Путина 23 февраля 2012 г. о том, что «Битва за Россию продолжается, победа будет за нами!». Безусловно неслучайно и то, что местом сбора символических оппонентов «Болотной» была выбрана «Поклонная» (а это монумент Победы и музей-Пантеон).

Антизападнический дискурс обличения оппозиции достиг своего апогея в фильме НТВ «Анатомия протеста-2», основное содержание которого сводится к тому, что несистемная оппозиция, главным образом, в лице С. Удальцова, на деньги враждебных государств готовит захват власти в России. По итогам специального обсуждения фильма в Общественной палате глава комитета по безопасности и противодействию коррупции И. Яровая призвала к возбуждению уголовных дел против тех, кто «ведет работу и кормится из тех же рук, что и террористы, берут деньги у тех, кто ненавидит Россию» (подразумевая, очевидно, что Россию ненавидит некий внешний враг).

В немалой степени развертыванию антизападной парадигмы, конечно, способствовала позиция Соединенных Штатов, которые активно взаимодействовали с оппозиционерами. Еще до оглашения итогов выборов в Думу госсекретарь США Х. Клинтон отметила, что «прошедшие парламентские выборы в России нельзя назвать ни свободными, ни честными». 17 января с российскими гражданскими активистами и оппозиционными политиками встретился новый посол США в Москве М. Макфол, заявивший о том, что надеется на продолжение «перезагрузки» отношений США и России. Еще в марте 2011 г. вице-президент США Дж. Байден наградил Е. Чирикову учрежденной Госдепартаментом США наградой «За храбрость». В сентябре Е. Чирикова передала в Вашингтон «черные списки» российских политиков и чиновников. И хотя встречи носили открытый официальный характер, информация о контактах оппозиционеров с официальными представителями американского руководства породила целую волну «разоблачений», вброса в информационное пространство информации о сотрудничестве оппозиционеров с Западом.

Так, Следственный комитет, комментируя растиражированные сюжеты о массовых фальсификациях на выборах, заявил, что «большинство видеосюжетов имеют элементы монтажа... были распространены с одного сервера, который расположен на территории США в штате Калифорния». Была распространена информация о многомиллионной помощи на поддержку демократии в России по линии Госдепа и Агентства США по международному развитию (USAID). Одно-

временно в 2011 г. хакер «Хэлл», взломавший почту А. Навального, распространил информацию о том, что последний получает деньги от американского Национального фонда демократии. Неслучайно также и то, что во время обыска в квартире К. Собчак была изъята крупная сумма денег (что наводило на мысли о наличии «щедрого спонсора» оппозиции).

Однако подобная «накачка» информационного поля антизападным контекстом пока своих плодов не дала – по данным ВЦИОМ середины сентября 2012 г., по сравнению с 2010 г. лишь на 6% сократилась доля тех, кто положительно относится к США (с 59 до 53%). То есть, несмотря на негатив, положительное отношение продолжают сохранять более половины опрошенных⁴¹. Впрочем, общественное мнение фиксирует ухудшение российско-американских отношений – растет число тех, кто оценивает двусторонние отношения скорее негативно (42% против 23% в 2010 г.). Тем не менее охлаждение отношений с Западом никого особенно не страшит – в 2011 г. только 3% продемонстрировали алармизм по данному поводу. Хотя массовой истерии в отношении Запада граждане не демонстрируют, власть тем не менее продолжает наращивать масштабы борьбы с иностранной угрозой – речь идет о недавней инициативе по внесению изменений в ст. 275 и 276 УК РФ о государственной измене и шпионаже. Принятый в первом чтении законопроект предполагает расширение трактовки понятий «государственная тайна» и «шпионаж» за счет их интерпретации не как формы государственной измены, а как разновидности оказания помощи иностранному адресанту.

Таким образом, эксплуатируемый «вертикалью» миф об угрозе со стороны западного, заграничного «Другого» не особенно страшит россиян, хотя власть по-прежнему пытается вертеть «западным жупелом». Если же говорить в категориях «аукциона страха», то здесь – на уровне дискурса «Другого» – власть очевидно проигрывает оппозиции. Хотя «протестные лагеря» не только смотрят, но и рвутся в разные стороны, преследуют разные цели, актуальность властного, неправедно богатого, да и иноэтнического «Другого» объективно заметно выше мифической угрозы «заграницы». Более того, принятие США «закона Магнитского» и невнятные «симметричные меры» российской стороны только питают неприятие коррупционной сращенности в России власти и денег.

⁴¹ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 15-16 сентября 2012 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. Пресс-выпуск ВЦИОМ №2159 «Российско-американские отношения на фоне выборов в США» // Официальный сайт ВЦИОМ. 7 ноября 2012. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113326>. Последнее посещение 12 декабря 2012.